

УДК 82.161.1(091)"19"

ПРИНЦИП ПАЗЛА: ЯЗЫК И ХРОНОТОП В ПРОЗЕ М.ШИШКИНА

Светлана Николаевна Лашова

аспирант кафедры новейшей русской литературы

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. tatsvetlana@gmail.com

Статья посвящена изучению поэтики одного из самых ярких российских прозаиков 2000-х годов – Михаила Шишкина. Анализ его произведений позволяет выявить как тенденции, характерные для всей современной прозы (нарративизация большой истории, тяготение к смешению фактуальности и фикциональности и др.), так и уникальные особенности стиля писателя.

Ключевые слова: историческое время; хронотоп; язык; текст; пазл; документ.

Творчество Михаила Шишкина, известного российского писателя, лауреата нескольких престижных литературных премий (Букеровская – 2000 год, «Национальный бестселлер» – 2005 год, «Большая книга» – 2006 год), по праву можно назвать одним из наиболее ярких и неоднозначных явлений в русской литературе двух последних десятилетий. Романы прозаика, особенно «Венерин волос» (2005), вызвали к жизни полярно противоположные оценки литературной критики. Многие критики (А.Немзер, П.Басинский, Е.Лесин, Д.Ольшанский, Л.Данилкин) обвиняли автора в имитаторстве, в отсутствии содержательной глубины, непроработанности многочисленных сюжетных линий, фрагментарности. Другие же (Н.Иванова, М.Кучерская, И.Каспэ, Л.Пирогов, М.Эдельштейн, В.Пригодич) признали писателя одним из лучших российских авторов, открывающим читателям новую форму романа, и с восторгом отмечали его непревзойденное чувство слова.

Нельзя сказать, что романские формы Михаила Шишкина не имеют аналогов в современной литературе. Интерес к истории («...постмодернизм, с его отвращением к утопии, перевернул знаки и устремился к прошлому...» [Эпштейн 1996: 197]), наслаивание в одном тексте разных исторических времен, изображение нелинейности, ризоматичности исторического времени, нарративизация истории являются отличительными особенностями произведений писателей-постмодернистов (В.Ерофеев, В.Пелевин, А.Королёв, Ю.Буйда, В.Шаров, А.Терехов и др.), к которым в определенной степени близок и М.Шишкин. Для прозы М.Шишкина характерны

нелинейность повествования, интертекстуальность, коллажность. Но названных нами авторов сближают не столько перечисленные приемы, сколько мотивирующее их новое чувство истории. Задача настоящей работы и состоит в том, чтобы проанализировать воплощенность этого чувства в изоцированной и целостной картине мира Михаила Шишкина.

Проблема изображения исторического времени в постмодерне обсуждалась не раз: в работах М.Липовецкого, И.Скоропановой, В.Курицына, Г.Нефагиной, М.Эпштейна, Н.Маньковской, М.Берга и других. Немало работ посвящено и М.Шишкину, особый интерес в этом плане представляют статьи Н.Ивановой, О.Ревзиной, М.Эдельштейна, В.Шубинского. Авторы этих работ анализируют специфику изображения времени прозаиком, при этом отмечая особый характер авторского хронотопа: «полифоническое сочетание времен и мест» [Иванова 2005], «хронотоп, в котором аннулировано время» [Ревзина 2006: 265]. Сам М.Шишкин так определил особенность изображения времени в своих произведениях: «Ответить на прямой вопрос, где и когда происходит действие, сложно – оно происходит всегда и везде» [Шишкин 2010б].

«Всегда и везде» происходит действие во всех последних романах писателя: это и «Взятие Измаила» (2000), и «Венерин волос» (2005), и «Письмовник» (2010). Отличительной особенностью произведений Шишкина является не только смешение времен, когда параллельно в романах происходит развитие нескольких автономных сюжетных линий, действие в которых разворачивается в разные периоды истории («Взятие

Измаила», «Венерин волос»)), но и размытость, немаркированность исторического времени («Письмовник»). Так, в высказывании о немцах одного из героев романа «Взятие Измаила», живущего в начале XX в., соединяются XIX в. и тридцатые годы XX в.: «Да-да, удивительный народец! Просто удивительный. Потому у них там бог знает что и творится: и лагеря, и топки, и погромы, и костры из книг, что все вперемешку – и вершки, и корешки» [Шишкинб 2006б: 35]. Ко времени жизни этого персонажа романа относятся только еврейские погромы, массовая волна которых прокатилась по Германии в конце XIX в. Костры из книг, топки и лагеря – это XX в.: Бухенвальд и Дахау, сожжение книг на Оперной площади 10 мая 1933 г. Герой Шишкина уже в начале XX века знает, что будет в его середине. Это происходит потому, что для этого писателя герой – это, скорее, форма существования бытия и времени, Шишкину важен не характер, но чувство времени и, главное, – язык. Герой в этом случае является средством, формой существования языка. Особые язык и хронотоп – основа художественной системы М.Шишкина.

Постоянное соединение времен, изображение прошлого и настоящего как существующего сейчас наблюдается и в романе «Венерин волос»: в одной географической точке встречаются бегущие от репрессий советской власти чеченцы и эллины, отступающие в Грецию после битвы при Кунаксе между войсками Кира и Артаксеркса (историю этого похода описывает в своих мемуарах «Анабасис» участник похода Ксенофонт¹). Эллины вводятся автором в текст романа в качестве непосредственных участников событий XX в. Становится героем романа и сам автор мемуаров («Прямо на снегу горели костры, около которых спали какие-то люди. Это были эллины <...> Греки поделились с чеченцами тем немногим, что у них было. Ксенофонт, как мог, объяснил этим замерзшим, уставшим, изголодавшимся людям, не понимавшим эллинской речи, что он ведет своих греков к морю <...> и наутро они вместе отправились дальше в путь» [Шишкин 2006а: 292].

Размывание временных модусов является особенностью и последнего романа автора «Письмовник». Герой пишет письма из Китая начала XX в., куда была отправлена русская армия на подавление восстания ихэтуаней (более известного как Боксерское восстание). В письмах героини отчетливы приметы 60 –70 годов прошлого столетия. Такое смешение времен, изображение времени как «прошло-настояще-будущего» [Скоропанова 2001: 300] свойственно многим писателям-постмодернистам: это и С.Соколов, и В.Пелевин, и В.Шаров... Но струк-

тура хронотопа у всех этих авторов различна. Обратимся здесь к существующим исследованиям исторического хронотопа у писателей отечественного постмодерна. Так, по мнению И.Скоропановой, в основе структуры хронотопа С.Соколова лежит принцип «*déjà vu*» («Писатель утверждает: из эпохи в эпоху в новых формах воспроизводится то, что уже было <...> осмысляя феномен истории, Соколов отказывается от принципа историзма, предполагающего подход к действительности как к изменяющейся во времени, развивающейся, создает образ "прошло-настояще-будущего" времени» [там же: 300]). Хронотоп В.Пелевина, по утверждению А.Гениса, основан на «стыках между реальностями» [Генис 1999: 84], реальностью вымышленной (например, «Внутренняя Монголия» в романе «Чапаев и Пустота») и настоящей. В.Шарова интересуют «боковые ответвления истории»², его хронотоп основан на принципе ветвящейся ризомы, когда писатель, отталкиваясь от конкретного исторического прецедента, выстраивает свою версию развития событий – показателен в этом плане крестовый поход детей из последнего романа В.Шарова «Будьте как дети» (2008), где таким историческим прецедентом стала знаменитая встреча Ленина и детей в Горках.

М.Шишкин также изображает время как «прошло-настояще-будущее». Но структура хронотопа этого писателя, его принцип нарративизации истории, на наш взгляд, отличается от хронотопа у других авторов. Если говорить метафорически, метод Шишкина сводится к созданию некоего пазла, сшиванию в одном тексте разновременных модусов (в переводе с английского «*puzzle*» означает головоломка). Как в пазле разрозненные фрагменты мозаики соединяются в целостную картинку, так кусочки времени (прошлое, настоящее, будущее) соединяются в текстах М.Шишкина в некий особый пространственно-временной континуум – вечное «сейчас». В этом пространственно-временном континууме сосуществуют одновременно оратор античности Гиперид, адвокат Александр Васильевич, живущий в XIX в., герой романа Михаил Шишкин («Взятие Измаила»). В «Венеринем волосе» объединены общим временем и некий «приехавший из Рязани поручик» (XIX в.), и толмач (XX в.), и полководец древности и летописец Ксенофонт (IV в. до н. э.), и даже Христос. На наш взгляд, изображение мира как вечного «сейчас» достигается писателем за счет изображения мира как существующего в языке, в тексте.

В качестве эпиграфа к роману «Венерин волос» М.Шишкин берет слова пророка Варуха из

апокрифа «Откровение Варуха, сына Нерии»: «И прах будет призван, и ему будет сказано: “Верни то, что тебе не принадлежит; яви то, что ты сохранил во времени. Ибо словом был создан мир, и словом воскреснет”» [Шишкин 2006а: 5]. Этот эпиграф передает важнейшую из художественно-философских идей писателя – первичность языка по отношению к жизни отдельного человека, его онтологичность, способность языка моделировать время и пространство, упорядочивать материю жизни. М.Хайдеггер³ называл язык «домом бытия», для М.Шишкина язык – это «дом бытия» текстов. Отсюда огромный интерес писателя к документу: дневникам, письмам, автобиографиям, мемуарам, летописям, – который неоднократно отмечался исследователями (М.Эдельштейн, И.Каспэ и др.). По мнению И.Каспэ, автор стремится создать некий «высший документ»: «Чаемый Шишкиным “текст текстов” – это в конечном счете “документ документов”, высший итог документирования» [Каспэ 2010: 31].

При этом Шишкин «сшивает» и подлинно документальные тексты, и те, которым автор самочинно присваивает статус документа. Все его романы представляют собой переплетение различных видов вымышленного документального письма. Герои М.Шишкина «закрепляют» свою жизнь в слове: пишут автобиографии (герой романа «Взятие Измаила» адвокат Александр Васильевич), дневники (героини романа «Венерин волос» Бела и Изольда, герой романа «Взятие Измаила» В.Мотте), пишет письма своему сыну Навуходнозавру один из главных героев «Венериного волоса» толмач, как переписка двух влюбленных (Владимира и Сашеньки) построен последний роман Шишкина «Письмовник».

Один из героев романа «Взятие Измаила» Евгений Борисович уверен в том, что все вокруг – «лишь форма существования слов», что «язык является одновременно творцом и телом всего сущего» [Шишкин 2006б: 206]. Эта мысль неоднократно варьируется автором на протяжении всего романа. Так, в начале книги судейские чиновники с символическими именами Перун, Велес, Сварог, или, наоборот, языческие боги, которым автор дал право судить, творят мир словом («А Перун трет глаза, зевает, и разделяет словом свет и тьму: – Еще немного – и будет светать» [там же: 8]). В автономной сюжетной линии романа герой Михаил Павлович Шишкин, детали жизни которого во многом совпадают с биографией самого писателя (учеба в московской школе № 59, в которой директором была мать героя, женитьба на Франческе, переезд в Швейцарию, трагическая смерть матери), собирает коллекцию, экспонаты которой не какие-либо артефакты мате-

риального мира. Экспонаты коллекции: события, люди, судьбы – все то, что позднее должно быть запечатленным в слове. Остается только то, что записано. Эта мысль является стержневым мотивом и двух последних романов писателя. Именно этот основной мотив связывает воедино автономные сюжетные линии романов («Взятие Измаила», «Венерин волос»), а также образует некое условное время, в котором живут герои, общим стремлением которых является желание «закрепить» жизнь в слове.

Ведет дневник героиня «Венериного волоса» Бела, в которой по деталям биографии легко угадывается знаменитая певица Изабелла Юрьева (время и место рождения, описание семьи и т.д.). Реальных дневников Изабеллы Юрьевой не существует. Но дневник, созданный автором, настолько психологически и фактуально точен, что ему самому не раз приходилось отвечать на вопрос о подлинности этого дневника. Можно предположить, что при работе над романом М.Шишкин опирался на книгу Н.Тихоновой «Белая цыганка» (2000), посвященную жизни и творчеству певицы, на документальные фильмы об Изабелле Юрьевой, в которых сама певица рассказывает о своей жизни. Это телефильмы В.Виноградова «Я помню чудное мгновенье» (1980), «Я возвращаю Ваш портрет» (1983), телефильм А.Гиммерверта «Два портрета на звуковой дорожке» (1988).

Отец героини еще в детстве дарит ей тетрадку для дневника, так как глубоко убежден в том, что «если не записать то, что на самом деле было <...>, то все исчезнет и ничего не останется» [Шишкин 2006а: 113]. Ведет записи и другой герой романа – толмач, свято верящий во всеислие слова, в его способность, как в фокусе фотокамеры, остановить и запечатлеть мгновение, оставить жить в вечности то, что бесконечно дорого («Один раз ты записал, как я вынимала из лотка за хвост белую мышь, и за нее цеплялась целая гроздь, и у них были глаза-клюквины, и сказал: «Так ты исчезнешь, а вот если я тебя запишу – ты останешься» [там же: 384]).

Пишут письма друг другу герои «Письмовника» – Владимир и Сашенька, она пишет ему и тогда, когда его уже давно нет, потому что они оба глубоко уверены в том, что «... написанное письмо все равно как-то дойдет <...> а ненаписанное – исчезнет бесследно» [Шишкин 2010а: 222]. По убеждению автора, ничто закрепленное в слове не исчезает бесследно: в одном из своих писем любимой Владимир делится с ней самым сокровенным: «... мои слова – это то, что останется после того, как все сегодняшнее, мимолетное сбросят в выгребную яму на бабушкином

кладбище <...> Я верил, что слова – это мое тело, когда меня нет» [там же: 218].

По сути, в романах писателя одним из основных действующих героев является язык как главная созидательная сила. По мнению М.Ремизовой, автор стремится «переместить средство художественного изображения (то есть язык) на место живого действующего лица, сделав из него предмет изображения...» [Ремизова 2000: 192]. С нашей точки зрения, романы М.Шишкина – это романы о языке как доме бытия текстов, в котором созданное, «закрепленное», увековеченное словом живет человечество. В этом пространстве нет времени: все отраженное словом – живет вечно.

В связи с этим для писателя необычайно важен эффект непридуманного, документального слова. Можно предположить, что именно поэтому появляются в романах такие герои, как автор первых в истории мемуаров «Анабасис» – Ксенофонт и автор одних из древнейших сохранившихся в мире рукописей – оратор античности Гиперид. Прозаик делает сквозными персонажами романов именно этих героев: авторы древнейших документов сшивают в единое время автономные сюжетные линии. К Гипериду («Взятие Измаила») неоднократно обращается герой романа, живущий в XIX в., адвокат Александр Васильевич, с ним в другой автономной линии романа вступает в полемику Михаил Шишкин, о нем вспоминает еще один герой романа Владимир Павлович Мотте. Гиперид, живший в IV в. до н.э., в романе так же реален, как и остальные персонажи, он вступает в диалог с героями, несмотря на разделяющие их тысячелетия. Именно в ответ ему герой-повествователь Михаил Шишкин говорит следующее: «Гиперид! О чем ты? <...> И потом, ведь нет никакого вчера, ни позавчера, ни третьего дни. <...> Есть только сейчас, сам-то не видишь разве? У времени сорвалась резьба. Оно прокручивается, как гайка» [Шишкин 2006б: 246].

В «Венерином волосе» Ксенофонт в некоторых эпизодах романа выступает как герой-повествователь. Именно от лица Ксенофонта ведется повествование о сожженном во время репатриации чеченцев из Чечни в 1944 г. селе Хайбах⁴. Причем автора не смущает тот факт, что эллины никогда не проходили по территории Чечни. Путь древних греков от Вавилона до Трапезунда (греческой колонии на южном побережье Черного моря) проходил по территории современной Армении⁵. Но М.Шишкину важно, чтобы именно Ксенофонт (своего рода заговоривший документ) свидетельствовал о тех событиях, которые произошли в Чечне. Писателю более важен не факт действительности, а факт

языка-текста, когда документальность одного текста подтверждается другим текстом-документом. Важен факт языка, его подлинность, а все иные, принципиальные, например, для реалистического типа письма константы вроде правды характера, отодвигаются на дальний план.

Именно эта особенность шишкинской поэтики, не полностью освоенная даже читателем эпохи постмодерна, вызвала известный конфликт, даже скандал. Алексей Танков, член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель секции поэзии, лауреат премии имени Ахматовой за 2004 г., обвинил М.Шишкина в плагиате⁶. В том, что описание гимназии, гимназических правил, писчебумажного магазина Иосифа Покорного в дневниках Белы в «Венерином волосе» почти дословно заимствовано писателем из книги В.Пановой «Мое и только мое». Известная советская писательница Вера Панова, как и Изабелла Юрьева, родилась и провела свое детство в Ростове. И именно ее воспоминания легли в основу описания гимназического быта в романе М.Шишкина. Со страниц романа звучит необычайно яркий и сочный язык начала XX в., который делает время, описываемое в дневниках героини, с его булочками-жаворонками «с глазами-изюминами», с клякс-папиром, который нужно прикреплять к тетрадам «лентами с пышными бантами», чувственно осязаемым.

Но, по мнению самого автора, создание вымышленной реальности («квазидневники» Изабеллы Юрьевой), имитирующей истинное бытие, возможно только при обращении к документу. Поэтому само заимствование для него таковым не является. В ответ на обвинение в плагиате он достаточно однозначно сформулировал свою позицию: «Реальность, в отличие от слов, исчезает, и осколки ее продолжают существование лишь в залежах слов – в дневниках, воспоминаниях, письмах. <...> Слова – материал. Глина. Важно то, что ты из глины слепишь, независимо от того, чем была эта глина раньше» [Шишкин 2006в]. Своей вымышленной героине Шишкин отдает подлинные факты языка! Они для него существуют только тогда, когда освобожденные художником залежи оживут в тексте – например, в тексте его романа. А кому именно они принадлежали до него – для писателя это совсем не важно.

Таким образом, сшивание времен в единую картинку-пазл в произведениях писателя происходит за счет соединения в рамках одного текста различных повествовательных модусов, в той или иной степени имеющих отношение к документальному письму. В одном из интервью, говоря о своеобразии своих романов, М.Шишкин сказал о том, что он создает роман – «ковчег».

Спасение мира происходит через воскрешение языка. Благодаря документам-текстам в произведениях М.Шишкина образуется некий особый пространственно-временной континуум, когда, на первый взгляд, несвязанные друг с другом фрагменты мозаики (разновременные модусы) складываются в гармоничную картину мира с единым нелинейным временем «прошло-настояще-будущее».

¹ В 401 г. до н. э. сын персидского царя Дария II Кир Младший при поддержке 13 тысяч греческих наёмников (в числе которых был афинянин историк и летописец Ксенофонт) выступил против своего брата царя Персии Артаксеркса. Войска Кира Младшего были разбиты в битве при Кунаксе, сам Кир в этой битве погиб. От Кунакса начинается отступление греков через Малую Азию в Грецию.

² См.: интервью В.Шарова, данное Д.Быкову («Русская жизнь», 8 июня 2007 г.).

³ См.: М.Хайдеггер. Бытие и время. М.: Республика. 1993. 447 с.

⁴ В статье Ольги Тимофеевой «Населенного пункта Хайбах в Чечено-Ингушской АССР нет» («Известия», 18 марта 2004 г.) рассказывается о том, как были сожжены в селении Хайбах в конюшне с символическим названием им. Берии 23 февраля 1944 г. 705 жителей этого и окрестных сел. Сохранились имена 66 человек, этот список приводит автор в своем романе.

⁵ См.: Максимова М.И. Ксенофонт и его «Анабасис». М.: Издательство Академии наук СССР. 1951.

⁶ См.: А.Таньков. Шествие переперщиков //Литературная газета. 2006. № 11-12.

Список литературы

Генис А. Поле чудес. Виктор Пелевин // Генис А. Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 336 с.

Иванова Н. Можно ли перепатриотичить патриота? // Полит. Ру. 2005. 26 июля. URL: <http://www.polit.ru/culture/2005/07/26/ivanovashishk>.

Каспэ И. Когда говорят вещи: документ и документность в русской литературе 2000-х. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 48 с.

Ревзина О. Хронотоп в современном романе // Художественный текст как динамическая система. М.: Управление технологиями, 2006. С. 265-279.

Ремизова М. Вниз по лестнице, ведущей вниз // Новый мир. 2000. №5. С. 190-193.

Скоропанова И. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2001. 603 с.

Шишкин М. Венерин волос. М.: Вагриус, 2006а. 479 с.

Шишкин М. Взятие Измаила. М.: Вагриус, 2006б. 429 с.

Шишкин М. Открытое письмо. 2006в. URL: <http://mezhd-ru.livejournal.com/>.

Шишкин М. Письмовник. М.: АСТ: Астрель, 2010а. 412 с.

Шишкин М. «Роман всегда умнее автора» / Интервью Н.Кочетковой // Известия. 2010б. 12 февраля. URL: <http://www.izvestia.ru/culture/article3138489/>

Шишкин М. Язык это оборона // Критическая масса. 2005. №2. С. 30-31.

Энтитейн М. Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3. С. 196-209.

PRINCIPLE OF PUZZLE: LANGUAGE AND CHRONOTOP IN M. SHISHKIN'S PROSE

Svetlana N. Lashova

Post-Graduate Student of Modern Russian Literature Department
Perm State Pedagogical University

The article is devoted to study of the poetics of the prose by Mikhail Shishkin's, the brightest Russian prose-writer of the XXth century. The analysis of his works reveals the specific tendencies typical of the modern prose (narration of a large story, inclination to mixture of evidences and functionality and others) and the unique ones typical of the writer's style.

Key words: historic time; chronotop; language; text; puzzle; document.